

александр хинт

**время
избыточных
точек**

КП ОГТ
Одесса 2012

ББК 83.3.(4Укр-2Од)63.Рус-5я43
УДК 82.161.2'06(0191) (063)
Х 477

Александр Хинт.
«ВРЕМЯ ИЗБЫТОЧНЫХ ТОЧЕК».
Сборник стихотворений.
Одесса, изд-во КП ОГТ, 2012, 84 стр. с ил.

*зима молчание смерть любовь миф сновидение
Вторая книга стихотворных произведений автора.*

ISBN 978-617-637-029-1

© А.Колов
текст, оформление, 2012

© А.Павлова-Рудык
фотографии, 2012

ВЫМЫСЛЫ,
КОТОРЫЕ
БЫЛИ

■ ■ ■

Полусонный тростник уронил до утра
полый звук – и как будто открылась дыра
на потёртой изнанке кармана,
словно тень эхолота пришла в этот мир,
или капли дождя запаял ювелир
в запотевшие серьги тумана;

и, цепляясь за ветер, как по проводам
до бетона, стекла и фальшивого льда
проходя водосточное горло,
в тёмной яме оркестрика выпасть пока
в лёгких флейты, извилистом сне мундштука,
непомерной утробе валторны –

а потом, выбираясь наверх по глотку,
по слюне языка, оторваться от губ
лейкоцитами спёкшейся крови,
и протяжно, не веруя в то, что поём,
но уже до конца говорить на своём,
на родном, крысоловьём

■ ■ ■

Я ещё разбрасываю камни,
клею пластилиновый ковчег,
обещаю новыми глазами
посмотреть на прошлогодний снег.

Только время медленно задето
слева – оползая старой кожей
плачет, от чего смеются дети,
или прозревает от того же
в корешке полузабытой сказки;
конский волос колдуна Гаити
в медной пустоте незримо-вязкой
предвещает свежее наитие.

Но – как будто жалуется ветер,
цепенеет, обрывая связь
с небом той, что нынче на рассвете
умерла. Верней, не родилась

■ ■ ■

доставать из корзины предмет наугад
равносильно вопросу «о чём ты думаешь»
все углы построены для паука
просыпаясь взахлёб, считаешься будущим
из просевшего неба вытапливать свет
по углам переламывать тени без возраста
пауки разбежались
вопросов нет
и предмет, скользя, растворяется в воздухе

■ ■ ■

Приучаю себя к тишине –
на волокна втирать босса-нову.
Пофонемно звенящее слово
отслоится наверх – выше нет –
и немеет произнесённым.
В неуживчивом, старом ведре
оживлять невесомых котят
приучаю себя.

К тишине приучаю себя,
где акриловый вечер разбужен
и, по самому краю, не уже,
облака различаются в ряд;
словно стая зелёных цыплят,
божество непримятых опушек
так бездонно, что даже молчанье
к тишине приучает.

Приучаю следы – оставлять
лёгкий абрис, пунктирные кромки
и рельеф исчезающе-ломкий,
что не ведает времени вспять.
Внутривенные сны, кровотоки
растворят силлабический яд.
К золотому молчанью слепых
приучаю следы.

Как себя к тишине приучать?
Однократно, читай, безнаркозно.
На зрачке испаряются звёзды,
это свойство в изгибе луча –
так настойчиво струны молчат,
и бесследно пытается воздух
приковать эту ветку в окне,
как себя – к тишине

■ ■ ■

молчание танца
луч слепо изогнут
глаза не боятся
но пальцы не могут
качает на нечет
пространство, но пальцы...
кончается вечность
глаза не боятся

горчит понемногу
на срезе запрета –
не могут, не могут –
падение света
и воздух перебран
навылет зрачками
наощупь под рёбра
открытию ставень

но клиново – клину
вотще медитаций
исчадием глины
молчание танца
сплетённое встык
натяжению шеи
уронит остывшие
стрелки – движением

МОСТ

Товарный изгибал
расшатанные фермы,
разменивал экстаз
на скорость, облекал
осипшего гудка
изъеденные нервы
в изломанность моста.
Но – здесь была река.

Меандр изнемогал
растрачивая реку,
бессонницей семян
проращивал навверх,
он растирал бокал
выплёскивая спектр,
и сразу растворял
как слёзы на золе,
и высверки клинка
едва следы отёрты,
как пятна на мяче,
размазанные вспять

движению жука,
когда июньский полдень
не уточняет чем
получится дышать;
как, следом разлита,
сворачивая воду,
что по ветру ворон
слепая чехарда,
разбуженная там
остывшая свобода
вплывала в поворот
разорванного рта...

Фарватерная дрожь
по памяти листала
куски монастырей
на водяной коре,
и ты едва найдёшь
себя, чтоб не оставить
за мунковостью рек,
цепляющих вразрез

■ ■ ■

Я досчитал до трёх – и стал понятен
простому эху незаметных сил.
Стекала флюорография струи
по венам хлорофилловых занятий
в метабиоз; срезая изнутри
цветы, металл перемещал за двери
из медленного детства суеверий
и временных вещей – на раз, два, три.

Осколки и цветное остриё
промытого глазка небесной лавки
раздаривало солнце на булавки –
когда я просто досчитал до трёх.

И те, кто отвечал за первый блик,
что вышел стоном, не теряли время
(хоть не было его), читали требник,
на линии огня швыряли семя,
запутывали в панцире улик
улитки, остывающей на склоне,
что не имела признаков лица,
но – родственник по линии кольца,
зажатого в разорванной ладони

■ ■ ■

Чтобы проверить своё отношение к человеку
представь, что он взял и умер, теперь нигде
его не будет, вернее, отсутствует он везде
отныне –
на кухне, в другом конце города, в Караганде,
Чердыни –
и это не допущение, а непреклонный вектор.

Который и далее длить, в который бы вжиться
сперва, для начала – хотя бы на этом ветру
железном.

Земля онемелости так монотонно крошится.
Пейзаж мельтешит, уползая назад в конуру,
знает место.

Но только ведь, помнишь, бывают лёгкими дети
в индиговых снах, когда истончается жало;
над крышами Вечного города ли, Монмартра
теперь и его душа восклицает жадно:
«Ура! это то, чего я так долго боялась
и ждала», – а твоей и нечем на это ответить.

А всего-то и надо теперь: босиком до двери
несмазанной на периметре твоего существа,
поймать её голос внутри,
вытащить кол из груди,
положить на край блюда –
из таких вот зияющих дыр, говорят, и берутся
слова

4 x 8

*

Небосвод себя запоминает
расстоянием, точками птиц,
кенотафы живут именами,
из морщин появляются лица
у альбомов, лазурью иконной
продлевается лён шелестя,
или лёд, или эта ладонь
только фон для головки гвоздя

*

Два ангела как стюардессы
неслышно сквозят меж людьми,
собой унаследова место
у храма толпятся они –

так послевоенные дети
терзают слепой алфавит,
он тоже неистов, несметен,
и тоже стоит на крови

*

Сдвигаешь дни на пол-октавы
назад, укладывая мир
в утробе скомканного шкафа,
но – вдруг – измятый воротник,
надорванный рукав рубахи
и пауза за средостением
напоминают: плаха к плахе,
тень к тени

*

Наотмашь дольше, чем насквозь.
Янтарь моложе антиквара.
Война напоминает гвоздь,
вбиваемый одним ударом.

Взамен обеда смотришь в лес,
в лесу тепло от этих взглядов,
но крест, которого не снести,
теплей того, что за оградой

подстрочник

полусгоревшее зеркало на чердаке
венецианство в обугленном склепе трюмо
спальня летучей мыши, полкило
паутины палевым балдахином

призраки сколов в сети амальгамы
все они здесь, слоются
до лучших времён сохраняя

жеста надменного шелест
пропасть вечерней щеки
порох укромного взгляда уже подождён
медленный пепел белил

я в нём лишь веянье, отблеск
счёт за избыточность тени
камео в пустом эпизоде для тех, кто
смотрит слепое кино с другой стороны

неопознанней фотографии
легче укола детством
пунктуальнее вечности

■ ■ ■

Купол года запаян зимой – и немедленно срезан
первым лезвием ветра, и надо теплее одеться,
в машинерии снега осталось достаточно места.
Есть дома, которые разрывают сердце.

Есть слова на износ, и по этим тетрадям скорее
наступает развязка урока, звоночек свободы,
в этих медных динь-донах – немелкая сдача времени
и попутная лёгкая смазанность пешехода

через беглую тень пустыря, что вполне нескончаем,
через то, что укрыто невыпавшим снегом до завтра,
потому что от жизни и смерти ещё оставляет
пару книг, и полдюжины файлов джпег-формата

беседа жива

О. Л.

Моментальный апрель отражается в быстром стекле,
искажаясь, уже ноябрём возвращается новым.
Мы в саду, на скамье, между нами шестнадцать лет,
полтора поколения, если по Гумилёву.

Это значит, мы в разное время росли, и к весне
примеряли несхожий фасон, это значит, мы пели
непохожие песни, различных теперь уже нет
с нами рядом людей, на развалинах разных постелей.

Твой растерянный вид и нелепый наклон головы
контрастируют с тем, как легко надеваются мысли
на изящные плечики слов. Ты мудрее совы,
но капризна слегка. Ты всё знаешь об этой жизни

и куда-то торопишься – глаз из-под чёлки блестит,
фраза стелется, тоненьким бисером ли, непарелью.
То, что ты мне поведала, может ещё подтвердить
развесёлый скворец. Только птички уже улетели.

Всё, что сказано – ложь, потому и беседа жива,
и слова не кончаются, словно патрончики в тире.
Это вовсе неважно, откуда берутся слова
в семьдесят восемь мои. И твои девяносто четыре

зимний театр 29 февраля

За оградой безвременья дикая ткань
пропускает шаги неопита пещер
в замороженный кем-то концерт, на алтарь
у оркестра намоленных мест и вещей.
Пропускает остатки тепла – в немоту
сновидений, и это бесплатный билет
в бельэтаж расстояния. Занавес – тут.

...Раскалённый до зренья, софита белей,
стеариновый пепел суфлёра шептал
размораживать вдох, ошибаясь в числе,
а за каждым – два сердца, и выход в портал.
И последняя ночь обрывающих след
инсценируя, что опоздала на круг
нафталиновым светом развалин темно
расставляла звериную, впалую грусть
на арене слепца...

Но, без четверти ноль,
без названия март, белламорте кулис
за секунду до снега – до снега вообще –
одинокая правда рождается вниз.
И не верит в намоленность мест и вещей

■ ■ ■

В рукомойники оттепели подтекал белый двор.
Воробьи, не таясь, продолжали своё воровство
по протекции сумрака, что запаял по краям
рукава и карманы деревьев – там был только я,
шестилетний, с измятыми клочьями на голове.
Перемокшие голуби звали какой-нибудь хлеб,
но коверкали слово, пока фиолетовый март
раздувал огоньки перебранки соседних веранд,
дожигая оконные гренки; забытый чердак
сообщал омофонами ветру, что можно и так –
и унылый наждак, и железо; в бездонный квадрат
домовой планетарий впечатывал видеоряд,
гороскопы во мраке вращали своё колесо...
От ближайшей звезды, словно та опознала лицо,
откололась снежинка и таяла прямо во двор.
В тот же миг я бесследно уснул. И сплю до сих пор

четыре
имени
неба

- пассивное -

■ ■ ■

...опомнюсь проросшим гербарием, сном серебра
в зелёной монете непостижимого времени,
движением омуля – вся наша жизнь икра
в утробе течения, буду замедленным зрением
молекулы зодчества, гранулой карандаша
на ватмане доисторического рейхстага,
хромой санитаркой, опаздывающей на шаг
в укрытие. Буду тем самым, последним шагом.

Очнусь в безымянной пустыне запретом глотка,
мозолью узла обернусь на верёвочной лестнице,
прокинусь проклятьем Дездемоны, тенью платка,
и всеми воскресшими единорогами девственниц –
вбирая гарпунное эхо кита-первогодка,
ожоги бинта ампутации, вопли ваты...

На гребне волны всю команду меняет лодка,
но снова до края небесного не доплывает –
а там из щелей горизонта сочится, ползёт
сиреневый фронт, мельтеша по периметру спицей.
Опять бесконечно играет себя небосвод,
и медленно пьёт. Чтобы вновь не уметь напиться

■ ■ ■

Так завершается эра тепла:
через ушко пролезает игла,
следом усталость пространства,
зодчество, картезианство –
и невозможно поддерживать жизнь
у механизмов эпохи пружин.
И продолжаться не хочет
время избыточных точек.

Вещи меняют привычную суть.
Если уснуть означает «забудь»
прошлое пахнет корицей
чтобы повторно родиться.

В рамочку вставив свой окоём,
в непостижимое небо своё
не успеваешь продлиться,
не попадаешь в петлицы
ветхой рубахи железных основ –
даже слова остаются без слов,
дверь висит без петель.
Так начинается ветер.

Так уменьшаются старые сны –
вроде река, но не видно блесны,
так изменяется скорость
бледного и голубого,

свет замыкает свои полюса,
вместо лозы прорастает базальт.
Так исчезает движенье
между стрелой и мишенью,
и завершается эра тепла:
в белом огне остывает зола
льда. И не тает лампада
этого полураспада

■ ■ ■

Ни стритрейсерство века, ни новостей убожество
не заставили эру истерик пока подытожить всё:
жестокосердое племя плевелое, тернии логоса,
годовые кольца в торце его уробороса,
и луну одноактную, вроде бесплатного сыра
в зеркалах антимира.

Поднимите нам век. Он лежит в изменённой
плоскости,
переломы его костылей врачевал дикарь,
на его штандартах девизом «Авось скостит»
(несомненно, у каждого Дика – своя геральдика
и зажим головы, чтобы там не отгрызть,
не отсечь его,
языка человеческого).

Ничего не достроено, в целом, и, в целом,
не хочется.
Посмотрите на нас из кабины бомбардировщика –
каждый сам себе чаша и кровь, исповедник,
таксидермист.
Разве ты не знал? У грехов упрощённый синтаксис,
и часов, под которыми нас ещё ждут на вокзалах,
исчезающе мало.

Континенты обводятся мелом по силуэту, унитаз уплывает по направлению с ванной. Расскажите нам лучше про прустово ложе! эта тема явно заманчивей тихих повествований. И поминки у нас, и веселье по Финнегану, всё здесь по Финнегану.

На десерт нацедите нам бледные капли
 пророчества -
 в зазеркаленной местности каждый
 по-своему страшен,
 получает по мере, сбываясь в себе вчерашнем,
 но, покуда вращает шарик, ещё суждено прочесть
 на бегущей строке казино арамейской вязью:
 бэла, манела, текила, двойной упарсин

■ ■ ■

когда я сойду с ума
не будет зимы и лета
сочельников и рассветов

когда я сойду с ума
надену любое платье
уже не помогут объятия
умрут любые слова
по дому пойдет молва
появятся люди в белом
проверят душу и тело
и скажут «она права»

когда я сойду с ума
откажутся дети и внуки
за ноги привяжут руки

когда я сойду с ума
восстанут песчаные замки
приедут красивые санки
повиснет кругом бахрома
пойдут терема на дрова
падут ледяные глыбы
и птицы расскажут рыбам
«он просто сошёл с ума»

когда я сойду с ума
поставлю букет сирени
в малиновое варенье
с улыбкою торжества
подвину на край стола
добавлю ещё бегоний
ты мне улыбнёшься спросонья
«родной, ты сошёл с ума?»

ПНД В ПНД

война испачкана железом
волна насилует волну
парашютист идёт над лесом
качает целую луну
оркестр беккета играет
всё гуси-гуси фуа-гра
вдова золовки запирает
болонки двести двадцать грамм

нельзя размазывать по стенам
дом паука за десять лет
такой прогноз ты не в растениях
ты не в растениях не в земле
не на земле не наливают
уронит жизнь за обшлага
ты невредимый не в ливане
ты не везде не в облаках

там поджигается челеста
там не в земле пора шутить
чем белый красное завесил
пока идёт парашютист
опившись ледяного чая
зима глотает парашют

здесь ни за что не отвечает
дающий больше чем прошу

- систолическое -

■ ■ ■

По кайме полнолуния съёмный
небосвод отражений стекал,
изводя перспективы объёмность
на хрустящую плоскость стиха,
что надколот случайным озвучием
по краям, будто лёд – по реке.

Это пальцы доходят до ручки.
Это полночь находит предел,
за кильватер чернильных сгораний
до конца погружая весло
не растасканной на телеграммы
немоты просыхающих слов

naked lunch

Проспать разбуженные тени,
ночник оставить нагишом.
В квартире остывает время,
струится желтый порошок,
когда неспешно доведённый
до белых мошек и мышей
закурит лапки насекомых,
и росчерки карандашей
переползают по запястью
в живую нерождённость сна
(зародыш это поза счастья);
отодвигается стена,
срезая пуповину места.

Поэзия не безвозмездна
где безупречна тишина
и время зреет – соблюсти
своё сектантство ледяное,
чтоб до утра и ты постиг,
о чём подумали те двое,
когда очнулись не в раю;
но, совпадая по ненастью,
перемещается в проём
окна, задраенного настежь,
лицо – мишень без молока:
пора играть в Вильгельма Телля.

Зима опять стреляет в темя
и катится пустой стакан

■ ■ ■

Остаётся примерно треть
незапаханной, медленной ржи,
неготовая не умереть
только тем, что способна жить.

Если где-то болят облака,
значит это чужой снег,
так придумал один дурак
вылетая за сон век.

Немота не пройдёт мимо рта,
не взрывается, не горит
бертолетовой соли гортань
без возможности проговорить;
это белого неба глоток,
января застывающий шарф.

Ты получишь сполна только то,
что останется не удержать

3 x 8

*

течь забывая дождь и забывать зачем
небо каких кровей тянет на дно венеций
на языке начал сказано ни ключей
ни запасных дверей в клинике мягкого сердца

разве не ты прощал пропасть темнее на шаг
за воровство прыжка звук обдирая по кромке
что удержало ртуть на острие ножа
то ли чужая душа то ли твои потёмки

*

до летаний без лопасти до доли таянья тел
до листания бежевых клеток на саване пледа
попадание звука в молчания но не те
из усохших растений последняя чёрствость лета

высекается хрипло дыхание ни о чём
растворяет весеннюю кровь унося толчками
восковая слеза водопад под лежащий камень
подлежащее время сказуемое не течёт

*

Так бывает, когда ожидание вынесет двери
или намертво чёрный сезам запечатает сердце,
и мерцает живое распятие тех, кто не верит
на чужбине слезам иноверца.

Только так и бывает: зима подставляет спину,
появляется слово, бумага не помнит ожога.
Если не получается быть до конца пластилином,
стань осколком в запястье Бога

■ ■ ■

В глубине её неба теплеет игла,
на которой время висит устало,
плиссированный ветер тяжёлых глаз
ворошит песок его пьедесталов.

Примеряя Медведице Южный Крест,
на единственный миг угадаешь тут же
в чём оно, проклятие здешних мест,
и каких улиссов не ждать на суше.

Панацея лечится плацебо –
так осколок, вмятина на иконе
объясняют всё, что придумал Бог
для живых. И тех, кто в пустом вагоне.

Слово роет ходы и творит уста,
что снаряд – окопы. Потому что мина
под ногой всегда, потому что сам:
первородный смех, Калибан, причина

и свобода пролить в небосвод воды
гороскоп огня. И, восьмым нечистым,
беззаветно выпить за молодых –
из кувшинок, чашечек, мёртвых листьев

- игры в живое и мёртвое -

1.

В пыльное гетто столетий –
горным обвалом, пращой,
тем ли страданием, этим,
траченным калачом
чёрствого Колизея.
Что там, ещё грешат? –
склеена Моисеем
кровью тельца скрижаль.

Камень историю точит,
что игрока – зеро,
не перелётный, не волчий,
но человеческий род
в мёртвой воде попыток
знает его закон –
чёрной ладонью Сизифа
и Голиафа виском.

Из монолита утёса
освобождаясь, взамен
камень находит на косу,
но в нём – сохраняется меч.
Время разъест, но не выдаст
сколько ему нести
в зданиях и пирамидах
краеугольный стык.

Перетирая пряники
слабых мирских надежд,
вечности рот скругляет
челюсти Стоунхендж:
в сердце,
к ногам – и за борт,
плитами для венков...
Камень всему расплата.

Камни – игра богов.

2.

Вот тебе трефа простая, чтоб мимо летели
пули, хоть воины падают сзади и спереди.
Вот тебе черва вопроса: с душой или телом
предполагаешь остаться? И это намеренье –
шаткость дилеммы на рёбра встающих медалей,
апофеозы глухонемых междометий.
Вот твоя, ад, победа во льду и печали.
Вот твоё жало и вот твои ножницы, смерть.

Вот твоя пика вдогонку: увидишь поросший сад
времени, бродят садовники с бритвами около
или вокруг, запрещая сущностям множиться.
Участь садовника – бритва, под той же осокой.
Бренность – иммунный ответ клинка на гримасу,
что проступает на гипсовой маске пророка.
Сталь обнажает строение тёплого мяса,
между волокон ей не так одиноко.

Вот тебе чёрный бубновый валет, чтобы скрыться.
На марсианских развалах спящего города
маленький кот похож на большую крысу.

Жизнь продолжается с лезвиями у горла.

3.

В коралловых гландах печи умирают поленья,
побеги и тело шелковицы смолоты в кашицу
с золою. У каждого века своё настроение,
на смену камням и железу приходит бумажный,
эпоха чернильная, эра фактуры древесной.
И пусть дикари своенравных земель ещё молятся
растениям – время созрело хранить свою летопись
на кипенно-белых листах с годовыми кольцами.

В объятия сорной зимы попадает усталый сад,
до срока увянет звезда, и кровавое месиво
размозит Великую стену – но что-то останется
живым иероглифом:

«дерево», «свет», «Поднебесная».

Развитие неумолимо, и новые жернова
ссыпают забвения порох на свалке минувшего,
но чем-то (так часто бывает) приходится жертвовать.
И что-то уходит... Я вижу бумажные души.

Во сне повторённое дважды – становится методом
слепого движенья вперёд. Огорчать или радовать
пристало ему, неизвестно. И всё остальное неведомо.

Такого-то года,
Цай Лунь, бывший евнух дворца императора.

4.

Белой гримасой мима
превозмогая боль,
в спину живому миру
тычется неживой.

Кровь развести водицей
не наберётся ручьёв,
но, разгоняя птицу
ветер твердит «ещё».
Вслед, оставляя регату
ветра, сползая за –
облако ищет взгляды.
Эхо зубрит голоса.

Выйдя из туч всеми лужами,
плавя озёрный наст,
ливень целует душу
будущего зерна.

Утро зарядит медью
старенький арбалет –
лишь одуванчик бессмертен
два миллиарда лет,
жёсткому выдоху танго
предпочитая блюз.
Кто-то сгорит только на год.
Кто-то молчит «люблю».

Изобретение взмаха.
Неба осколки в следах...
Ножницы, камень, бумага,
глина, огонь, вода

- *псевдоклассическое* -

moderato

кучевые облака
татуированы ветром
чтобы вновь разбавить вето
голубого молока

в перелесках кислород
перебарщивая в сумме
заставляет полоуметь
поколение ворон

там почти неисцелимы
голоса колоколов
тем верней болиголов
чем резиновее зимы

наплывая об берегом
отражение орла
растворяет зеркала
опрокинутые в реку

allegro moderato

У двора, в котором тени
понадёрганы из пакли
невесомых совпадений,
голоса весну до капель
расплескали, многосвечьем,
до стекания бельканто,
перезванивая в те, что
заморожены зеркально.

В белый молох дымохода
тишину хотел смести
шорох, ветреная хотя
продолжающихся птиц.

Ниши выпавшего дыма
проявляют на изгибах
негативы херувимов,
их псалмы исповедимы,
уплывают к эмпиреям
вещества, не успевая
рассказать о том, что время –
ангел с тонкими губами

allegro molto

Сомнение грозы – в затишье
цедящих паморок лесов
дольёт сырую прелесть вишни
и неподвижность голосов.

И грянет! – щерясь одичало
во тьме, закрытой на засов,
все междометия скандала
не вынося за горизонт.

Фанданго скальпелей, стилетов
за занавесями плетей
перемывает кости лету,
мешая августу лететь.

Но, вдруг, неслышно приоткроет
одну шкатулку Нибелунг
в несметном погребе сокровищ,
накапливая в небе луч...

Сбегая вниз, скользя по сходням
где только сумрак нависал –
жизнь начинается сегодня
из новых, Фебовых, кресал

andante

по молитве вечернего чая
остается оранжевый привкус
олеандра нетающий щавель

облака словно лица провинций
моментальные слепки окраин
в остывающей линзе

удлинение тени горстями
поглощает молекулы лета
формируя клеймо угасаний

проводящий ветер сиренев
по закону обратных билетов

вылетая из щели карниза
птицы падают в небо как листья
отражённых деревьев

volante con amore

День пролетает, вечерним
платьем цепляя за крыши –
то ли застряли качели,
то ли звезда неподвижна,
на перекрёстке хрустальных
трепетов свет прошлогодний.

Послесвечение тайны
едет в последнем вагоне,
и ворожит за плечами
в доме ночи неразгаданной.

Пересечение молчаний
хлеще весенних раскатов –
но не изломано, теплится,
и продолжается ветром
у догорающей лестницы
в изобретённую веру,

и в неизбежность разрыва
крупноячеистой сети
новой зимы, что, нахлынув,
будет всего милосердней

аберрации призрака весны

Рахманинов

В эбонитовом льду отражений живой инструмент
растворяет ручное тепло, выводя на стаккато,
невесомый разбег молоточка кивает струне
в предвкушении бравлады

нарастанием перечня клавиш – и насквозь пройден,
подгоняемый эхом созвездий в развилке акации
выбегающий прочь, ускользящий призрак времён
с деревянными пальцами.

Различая туше до удара, рояль-телепат
отвергает повтор вопреки сухощавому рондо,
и уже партитура огня приглашает в себя,
наравне с кислородом

заглянуть за планеты уклон, увидеть далеко
за слезами вещей и ошмётками шрамов истории
оправданье теней, и бессмертных вовек мотыльков
адреса траекторий.

И, на отзвуке тая последними нотами крыльев,
как проглоченный шмель
или медленный серый укус его,
на лету удивиться – успеть – как измученно выглядит
объяснённая музыка,

словно горло реторты теперь продолжение комнаты
в укороченный рай, половина подковы нашедшему,
словно нож соль-минора
и есть ощущение свежего голода
от непроизошедшего

expiratory

Корабли не придут восемь лет,
восемь писем приснятся пустыне.
Нагревается сумрак и стынет.
Я ищу в тебе то, чего нет,
что мерцало в незрячей свече
и качалось в последнем трамвае
на продрогшем стекле забываний.

И уже не останется чем
резать спину того, что нельзя –
на ремни, в лоскуты, на обложки.

И понять, и уверовать можно
только пальцы к лицу поднеся

■ ■ ■

Каблук заменяет шарк
на оступь, втиранием площади
в рельеф настроения ловчего,
придумывая ветшать
не здесь; но поклёп дождя
сорвавшего мелким – всем бы так
ещё – замечаньем реплики
медлительность, провожал
в дома, где и сумрак стыл
от неподтверждений слиться с
телами, с живыми лицами
теперь наводя мосты –
так письма, прощальный стих
вобрав, заменяют имя и
сургуч обжигает инеем,
присужденным смерти их
вернее давать в ночи
корзины, где носят белое.
Как сука заиндевелая
у двери весна молчит

chemistry

Ничего не горит, просто свет, просто каплет из вен,
капиллярами век осыпается снег, через кожу
белый ветер, под кожей рождается новый Вермеер.
В этом тысячелетии нам ничего не поможет.

Словно кто-то опять нанялся измерять силу тока,
гальванический веер ладони на стыке пластин...
Посмотри на меня, как бывает лишь после уроков
на сеансе в последнем ряду,
на краю бесконечности

О. Л.

День седьмой умещался в ладонь,
 но за весь день
 не утратил к ночи предрасположенность.
 До утра незадёрнутость занавески
 седину добавляла в рассвет по ложке,
 а рассвет и сам отвечал рипостом,
 проговаривал комнату всюю кожей
 наготы и её восковым несходством
 разливал тепло сотворений божьих.

2 x 8

*

угловатая дева созвездье инкубус
на витрину окна рассыпает колье
кровяные шарики станут кубики
забывают протечь образуя клей
инфракрасные капельки ветра в спине
застревают эхом от каблука
полусонная вмятина на простыне
тёплый контур распятия напрокат

*

время отклеится станет тих
шорох ботаники калевал
в небе останутся девять птиц
не успевающих колдовать
и расширяясь по осевой
до очертаний внутри растёт
неопалимая до сих пор
тень амулета кремень костёр

■ ■ ■

Запомнить не обличье и повадку,
а мелкие неровности пятна,
что неким синоптическим осадком
зачато; в теле извести видна
несбыточность материи, остаток.
Нордический саднит эпистоляр,
исходит сиречь сентяблями сада
на буковки, золя клочки Золя,
придымленному ветру оставляя
кизиловый, кислее влаги след.
Ты первая вода, а я седьмая
ему на киселе.

В безбашенное небо одичаний
пожалуйся, поплачь по волосам
притихшая Рипанзель; у причала
без адреса кружит вечерний спам.
От патефона до фортепиано
за шторами не опознать во сне,
что никого давно не удивляло
куда идёт снег,

и утром не добраться до причастий.
Секунда, обнажённая дотла,
синхронно примеряет одночасье
на все колокола

memory

Что ты делаешь? Тень огня до сих пор не может
пересечь пентаграмму ветра за тем зелёным
переулком, и кровь дождя всё ещё под кожей.
Наваждения просят себя выгрызть поимённо,
соблюдая порядок безумств, не толкаться локтем,
занимают места поудобнее – всё бы им слушать
болеро, где моё молчание вило кольцо, где
твоё бормотание Богу бы прямо в уши

■ ■ ■

Отнимающим призрачный год от своей весны
навсегда оставаться на стебле живых и поющих.
Расступается небо, спускается свет на весы,
нарисованный ливень настраивает клавесин
дребезжанием тёплых уключин –

это старая песня, извечная тяга угля
к раскалённому телу стены, возжелавшая знака
без надежды понять, бесконечная дань удивлять
облака и растения первого дня; это взгляд,
провисающий как у маньяка,

поутру расстрелявшего бал – до растерянных слуг,
канареечных перьев вокруг, онемения в пальцах.
Это холод, последняя слабость – остаться в снегу –
убирает ресницы с лица, и не дарит ни губ,
ни возможности попрощаться

прикладная
мифология

■ ■ ■

В заповедном лесу – свет
неуёмнее фонарей,
там заветный живёт зверь,
что светлее иных зверей.

В заповедной глуши – ручьи,
среди ручьёв голубой птах
не становится ручным,
и не может прожить, став.

А в ручьях испокон лет
заповедный скользит сом,
кормит звёздами форель,
тащит небо за кольцо.

В заповедных лугах бурь –
там ветрами набит рот
разгоняющих табун,
иммортили по бедро,

там цветение без клумб
в хризолитовых ранах травы.
В заповедных местах глубь.
В заповедных местах ширь.

Только в полночь пробьёт выпь,
что пора бы ведро слёз
в неизменность ручья влить,
чтобы гуще камыш рос,

и пора бы пролить кровь
в долголетие тех трав,
иммортелей и ветров –
не позднее чем до утра.

И согласно скользит сом
в тишине не раскрыв рта,
и кивают в унисон
светлый зверь, голубой птах,

что пристало загнать дичь,
взрывы тени пластая вдоль,
что не терпится, стоит свеч,
и заждался уже огонь,

тот, мерцающий испокон
до седого скончания лет.
Ибо это и есть – он,
в заповедном лесу свет

лекция

Это след электрона, в копне
микромира – игла,
масса ноль или, попросту, не-
измеримо мала,
толщина преломленья стекла,
пустоты ледяные курсивы.
Тени первого взрыва.

Это сонмы молекул, их связи,
простоты воровство,
драматический повод по-разному
называть вещество,
первородный разделочный стол
озарений и остываний,
эманация ткани.

На скрижалях куски доказательства,
уравнения, разности.
Здесь царят вероятности.
Неживое предательство
подчиняет частицы и волны
квантованию слабых энергий.
Здесь добро квадратично-условно.

А мораль здесь – закон Гейзенберга.

.....
.....

Это клетка, живое ядро,
карусель ДНК,
безымянный логин и пароль
на замес колобка,
здесь шлифуют по капельке кровь
назревающих ран и бесчестий.
Здесь возможны болезни.

Тонко непроницаем покров
хромосомных переодеваний,
в ойкумене желаний –
меловой геноток мандрагор.
Всё ещё трепыхается в сетке
мячик божьей ракетки,
оживляя игру.

И красуется смерть на миру.

.....
.....

Это первая бездна: зрачок,
остро скошенный клюв
всё, как есть, загоняет в песок,
то бишь, сводит к нулю –
чтобы вновь сочинять колесо
для тельца, козерога и овна.

Здесь возможна любовь. Но
неуклонно идёт к декабрю,
где за каждый пятак мецената
неизбежна расплата,
буде план – затопить галеон,
раздарить острова и столетия.

Это метод бессмертия
или лёгкая тень от него,
что бесплотно скользит по воде.

И разносит плетень.

.....
.....

Это старых галактик облёт,
фейерверки китайских комет.
Запах свежего неба зелён,
а последнего – нет.

Уличая в далёком родстве
провода мириады орбит,
у Вселенной на крылышке свет
капель воска висит

■ ■ ■

до утра заподлицо
немоты над головами
заходи в зелёный сон
там не будет оправданий

там в наследье стрекоза
расстояния и посох
опознать что будет просто
через десять лет назад

через толщи батискаф
океан покрытый кожей
непохожее похоже
на движение в тисках

на смятение ловца –
звон галопа пенье гривы
без сомнения и грима
на расстрел не до конца

но сливаются под спудом
инь и янь рутины фраз
в дневнике противофаз
неуслышанного чуда

в аллотропном языке
сохраняющем орнамент
предсказаний по руке
растворённого над нами

за невидимый предел
и скольжение простое
этой бабочки дотол
невозможное нигде

пятая группа крови

Опять отказало крыло,
но плавно, и не унесло –
механику плюс.
Рука на ветру механически тёплую флягу открывает,
залитое алым стекло.
Ночная вода плавником выводит: «Куплю
в больших ёмкостях... положительный... пятая
группа крови».

Слеза замирает не там.
Шаги остывают не в такт
свеченью реки,
и всякий, кто раньше ходил, тот теперь
непременно утонет.
И, видимо, полно грести
по руслу булгаковских вен – лекарства горьки,
но проще лишиться руки, чем пером рисовать
на ладонях.

Не время летать нагишом.
И, в целом, проект завершён:
Азраил веселей
себя, Габриэль преднамеренно слеп, Азазель
неумеренно боек,
святой Себастьян отрешён –
но именно этот, его, пересохший скелет
разит из фамильного шкафа надсадом
больничных коек,

и небо не стало взрослей
на перепись серных дождей,
на год, на пятьсот,
на несколько тысяч зеркал, неспособных уже
отразить тебя все.

Настя смывает браслет,
отстёгивает живот,
сдирает лицо,
берёт прошлогодние крылья
и тихо несёт в мастерскую

■ ■ ■

За линией пеплума скал, где простор устал
от прежнего взгляда, и древний пейзаж затерян
в каютах затопленных карт високосного дня,
комета продрогшего года уронит апрель –

тогда-то и можно вспомнить или узнать,
что дальность прыжка до незримой звезды Арктеон
есть ночь, пропорциональная времени без себя,
помноженному на скорость возвращения себя себе

о двух девочек. простая сказка

1.

В дымчатой сказке русалочьей были,
там, где сады поднимают из пыли,

жили две девочки – где неизбежно
радость ручья заменяется свежей,

где на плантации сладкая вата
и виноградины сорок каратов,

где самовольно сплетаются травы
с ветром и солнцем, рождая оправы

для облаков и дождей многоруких,
мягкого лета янтарные звуки

ради любви превращают ненастья
в капли звезды, называемой Счастье

(в каждой – свечение глаз, и случайный
сбивчивый шёпот, и тихая тайна);

там из кристального сна многоточий,
из подвесной колыбели полночной

месяц-младенец до искорки роздан
в исповедальную ясность колодцев,

там изобилие мачтовых сосен,
а паруса только птицы приносят,

лёгкие птицы из дальнего края,
лёгкие... там не плывут, а летают

сны каравеллы, снега бригантины,
львы подставляют огромные спины

маленьким детям – и те не боятся!
а в зеркалах отражаются танцы

ветреных дев и обычного люда,
все веселы и способны на чудо –

и отродясь не бывало терзаний,
ни злонамерений, ни наказаний
в той безымянной стране изобилия.

Так начиналась земля, где девочки жили.

2.

Чтобы разбавить тот перечень пёстрый
надо сказать, что они были сёстры.

Старшая мир укрывала руками
и отвечала за небо и камни,

за изумлённой лавины аккорды,
окрики шторма, глубинные фьорды,

светлого ливня густые раскаты,
осени смальту, стекло водопада,

летние сполохи вне расписаний,
кромку вечернюю под облаками,
талый апрель, январей эскадрильи...

Младшая знала, где сотканы крылья,
как пескари уплывают из сети,

чем иногда объедаются дети,
думала сны для людей и животных,

падала стаяй небес перелётных
в ноги стадам, обгоняющим тени,

ведала тайные ноты растений –
впрок приводила в порядок рассадку.

Старшая мир облетала пассатом,
вслух упиваясь движением каждым –
в общем, была весела. И однажды,

в день, когда младшая недоглядела –
споры мечты в семенах чистотела,
зёрна надежды, ростки новых песен –

перемешала с травой равновесия,
той, что в овраге была втихомолку

собрана между Собакой и Волком,
сорной, ползучей, безродной травой.

Так пошутила большая с младшей сестрою.

3.

День распаляется, ночь остужает.
Время идёт, только нет урожая.

– Милая, что происходит на грядке?

– Знаешь сама, что не всё там в порядке.
Столько нелепицы с этой травой,
перебирать её – дело пустое.

– Это лишь розыгрыш, милая! шутка,
стебли крапивы с лицом незабудки.
Те сорняки я подбросила, каюсь.

– Знаю. Затем, чтобы не разгибаясь
денно и полночь – так ты хотела –
я отделяла все зёрна от плевел?

– Но я помогу тебе!

– Видишь ли, поздно:
ближе к ночи, как рассыпались звёзды,
бросила всё, что намешано, в землю
чёрную, вязкую, в нечерноземье,
глину, песчанник, измолотый гравий
даже... Теперь ничего не исправить.

– Что за трагедия? Я вся внимание.

– Нет, я не грею фигу в кармане,
камень за пазухой смотрится глупо.
Просто следи, как шевелятся губы.

Время не склеит лишние блюдца –
восемь уснут, если восемь проснутся.
Будут рождения и умиранья...

– Что ты бормочешь? Я не понимаю!

– Не понимаешь... Так будет понятней:
солнца отныне не будет без пятен.

Старая рана умножится новой.
Эта гора будет зваться Голгофой.

Станет невиданно много свободы
для поедания себе подобных.

На неразменность любви не надейся:
будет на скалах расти, эдельвейсом,

как на могилах живут иммортели
для достижения собственной цели.

Всё оправдается: серостью – злоба,
льдом – равнодушие доброго слова,

временем – трусость и лжа обстоятельств,
и неразрывные цепи предательств.

Всё оправдается, потом и кровью.
Но оправдание – дело такое...

Я повторю: ни на что не надейся
прежде, чем кончится сок равновесия.

– Что ты наделала, глупое чадо?!

– Я заплатила тебе за рассаду.

Жёлтым молчанием.

Пепельным страхом.

Чёрной зимой.

Свежеспиленной плахой.

Бледным страданием дикорастущим.

Болью.

Мечтами о хлебе насущном.

Кстати, так что там сегодня с обедом?

Так наказала старшую младшая Эдда

На бесцветном снегу, у серого огня
всё сидит, ожидает Года,
где последние кеды другого меня
оставляют следы на потам;
окисляются тени, спарывает вода,
прожимает монета карман,
и шипит воспалённая сковорода
«мир ловил меня, но не поймал»

АХ

ровно два стихотворения

Это ровно два стихотворения.

Первое получается обычным считыванием не взятого в скобки текста. Извлечение второго нуждается в действии похитрее – так впервые появляется сбивка ритма, смещаются акценты, досадное размывание смысла обнажает лишь самый краешек первоначальной тайны.

Очевидно, это минимум два стихотворения.

Скобочные опции мутируют в пределах неявной строфы, их выбор уже навсегда зависит от читателя, от драматических перепадов его настроения, его склонности вдумчиво казнить и легковоерно миловать.

Строго говоря, это почти N+1 стихотворение.

Стоит ли говорить настолько строго? Старый агностик Х.Л.Б. усмотрел бы здесь в точности N+2 стихотворения – ещё одно всплывёт автоматически, если скрупулёзно скользить между строк, выуживая правду межбуквенных интервалов. Конечно, при этом неминуем лёгкий коллапс самоидентификации: автор и читатель меняются местами, одалживая друг другу цвет глаз, взаимное расположение зеркал, утренний кашель и некоторые – несущественные – факты биографии. Но кого в наше время могут смутить идентичные, вплоть до помарок, паспортные данные?

Впрочем, имело ли смысл и дальше идти на поводу
у дотошного Х.Л.Б. – тем более, говорят, он давно
уже умер. А разве не смерть есть апофеоз
достижения личной цели, и не бледнеющая
личинка её хрупкого равновесного неба менее
всего необходима нам именно сегодня?

.....

из дерьма песка и глины
получаются увы
пластилиновые спины
заполнять собою рвы

бесконечная эклога
у развесистых олив
(словно зарево сварога)
словоформа словобоба
аллофон неопалим

и немедленно приснится
предпоследняя глава
(так сбывается ресница)
полуветер полуптица
оперенье тетива

развесёлая расплата
золочение ключа
нетерпенье циферблата
(и совсем уже по блату)
нарисованный очаг

облачения нерона
но какое ни надень
продолжение монохромно
белый пепел чёрный день

тлеет иго иггдрасия
расширяется погост
 (плавники идут на крылья)
я простужен инезилья
сирин а не алконост
 (разрушающее мост
 бесполезное усилие)

но разрушить одиссея
не умеет полифем
слово брошенное семя
 (просыпаются деревья)
из реликтовых фонем

прорезается грядущим
мирозданием как стих
в океане и на суше
 (для наземных и воздушных)
из шипящих и глухих

собирая лего – утро
ювенильных децибел
 (по икринке поминутно)
проливает небо внутрь
прекословящим себе
 (по стволам течёт цикута)

выйти за холод костра,
 ставить каждое лыко в строку ему,
льду континента гадать по реке,
 притормаживать внутренних гуннов,
словно песок убывая в руке,
 воскрешаясь так же бездумно,
чтобы растаять в наскальной воде,
 возвращая вдох тростнику

фев 2011 – май 2012

оглавление

вымыслы, которые были _____

«Полусонный тростник уронил до утра...»	V
«Я ещё разбрасываю камни...»	VI
«доставать из корзины предмет наугад...»	VII
«Приучаю себя к тишине...»	VIII
«молчание танца...»	X
мост	XI
«Я досчитал до трёх – и стал понятен...»	XII
«Чтобы проверить своё отношение...»	XIII
4 x 8	XIV
подстрочник	XVI
«Купол года запаян зимой...»	XVII
беседа жива	XVIII
зимний театр 29 февраля	XIX
«В рукомойники оттепели...»	XX

четыре имени неба _____

- *пассионарное* -

«...опомнюсь проросшим гербарием...»	XXIII
«Так завершается эра тепла...»	XXIV
«Ни стритрейсерство века...»	XXVI
«когда я сойду с ума...»	XXVIII
пнд в пнд	XXX

- *системическое* -

«По кайме полнолуния съёмный...»	XXXI
naked lunch	XXXII
«Остаётся примерно треть...»	XXXIII
3 x 8	XXXIV
«В глубине её неба теплеет игла...»	XXXVI

- *игры в живое и мёртвое* -

1. «В пыльное гетто столетий...»	XXXVII
2. «Вот тебе трефа простая...»	XXXIX
3. «В коралловых glandax печи...»	XL
4. «Белой гримасой мима...»	XLI

- *псевдоклассическое* -

moderato	XLII
allegro moderato	XLIII
allegro molto	XLIV
andante	XLV
volante con amore	XLVI

аберрации призрака весны _____

Рахманинов	XLIX
expiratory	L
«Каблук заменяет шарк...»	LI
chemistry	LII
«День седьмой умещался в ладонь...»	LIII
2 x 8	LIV
«Запомнить не обличье и повадку...»	LVI
memory	LVII
«Отнимающим призрачный год...»	LVIII

прикладная мифология _____

«В заповедном лесу – свет...»	LXI
лекция	LXIII
«до утра заподлицо...»	LXVI
пятая группа крови	LXVIII
«За линией пеплума скал...»	LXX
о двух девочках. простая сказка	LXXI
1 x 8	LXXVI
ровно два стихотворения	LXXVII
«Рай в шалаше, как бикфордово...»	LXXX